

М. Ю. ПОПОВА, Т. А. ЛОЖКОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Сенковский О. П.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

«ПОТЕРЯННАЯ ДЛЯ СВЕТА ПОВЕСТЬ» О. И. СЕНКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1820–1830-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли, которую сыграл О. И. Сенковский в формировании русской массовой литературы в 1830-е годы. Проанализировав основные аспекты развернувшейся в 1820–1830-е годы полемики по вопросу о задачах, стоящих перед русской литературой и путях ее дальнейшего развития, авторы статьи увидели в Сенковском убежденного сторонника идеи создания развлекательной, массовой литературы, способной привлечь к чтению как форме культурного досуга широкие слои публики, удовлетворяя вкусы и запросы самого неискущенного читателя.

Пытаясь найти союзников, Сенковский вступает в творческий диалог с А. С. Пушкиным, в переписке с ним сознательно интерпретирует пушкинские произведения как образец развлекательной «легкой» прозы. Анализ «Потерянной для света повести» дает возможность увидеть, как с помощью элементов мистификации, а также явных и неявных отсылок к повести «Гробовщик» Сенковский стремится включить пушкинскую прозу в пространство массовой литературы. Однако Пушкин, придерживаясь иных взглядов на роль литературы в процессе формирования общественного сознания, решительно отмежевался от позиции Сенковского и не поддержал его начинаний.

Ключевые слова: О. И. Сенковский; «Потерянная для света повесть»; А. С. Пушкин; «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»; русская литература; массовая литература.

В 1820-е годы отечественные критики и писатели активно размышляют над вопросом о том, на каком этапе развития в данный момент находится русская литература и каковы пути ее развития в дальнейшем. Различными авторами формулируется и развернуто аргументируется провокационный тезис: «У нас нет литературы».

Одним из первых тему поднял А. А. Бестужев. В своем обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года» (1825) он попытался прочертить общую логику развития литературы как вида искусства. С его точки зрения, в древнейший период, для которого характерна естественная (архаическая) полнота бытия, осуществляется активное освоение действительности только что пробудив-

шимся общественным сознанием, в довольно короткое время нарождается большое количество гениев и происходит выброс творческой энергии посредством создания крупных эпических и драматических художественных произведений. Далее А. А. Бестужев утверждает: «За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедией; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности» [Бестужев 1991: 117]. Таков естественный ход вещей. Однако в России он, по мнению критика, не просматривается: «Так было везде, кроме России; ибо у нас век разбора предыдет веку творения; у нас есть критика и нет литературы; мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками!» [Бестужев 1991: 117]. Одну из причин данного обстоятельства критик видит в том, что русский читатель изначально воспитывался только на иностранной литературе, в частности, французской, которая не имеет параллелей или пересечений с русским национальным языком, духом, нравами и традициями. Творчество русских авторов, по его мнению, до сих пор подражательно, не самобытно, следовательно, не оригинально и не может восприниматься в качестве полноценной литературы.

Другую причину отсутствия в России настоящей литературы А. А. Бестужев видит в характере восприятия европейских художественных традиций, обусловленных некоторой незрелостью русского общественного сознания: «...мы слишком бесстрастны, слишком ленивы и не довольно просвещены, чтобы и в чужих авторах видеть все высокое, оценить все великое. Мы выбираем себе авторов по плечу; восхищаемся д Арленкурами, критикуем Лафаров и Делилев...» [Там же]. Таким образом, заявляя «у нас нет литературы», А. А. Бестужев имеет в виду отсутствие не только подлинно национальной, не подражательной словесности, но и потребности напряженной духовной работы в широких слоях русского общества.

Началом полемики по поводу дальнейших путей развития литературы можно считать письмо А. С. Пушкина А. А. Бестужеву, написанное поэтом из Михайловского в конце мая – начале июня 1825 года. Пушкин не согласился с тезисом «у нас есть критика, но у нас нет литературы». По его мнению, именно критики как раз недостаёт: «Что же ты называешь критикою? “Вестник Европы” и “Благонамеренный”? библиографические известия Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся, что это всё не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почестся уложением вкуса. Каченовский туп и скучен. Греч и ты остры и забавны – вот всё, что можно сказать об вас – но где

же критика? Нет, фразу твою скажем наоборот; литература кой-какая у нас есть, а критики нет. Впрочем, ты сам немного ниже с этим соглашаешься» [Пушкин 1979: 114].

На наш взгляд, разногласия Пушкина и Бестужева обусловлены различным пониманием литературной критики как особого вида творческой деятельности, ее целей и задач. Для Бестужева критика – это совокупность всех современных критиков и их высказываний, а для Пушкина – это авторы и статьи, одобренные общественным мнением, статьи, пользующиеся авторитетом у читателей. Но и автор письма, и его адресат согласны в том, что критика должна формировать общественное мнение, воспитывая и ведя за собой читателя.

Основные идеи, высказанные Бестужевым и Пушкиным, оказались актуальными и для других литературных деятелей. В частности, наше внимание привлекла статья И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина», в которой перечислены популярные современные журналы и зафиксировано отсутствие в них критических отзывов на произведения, которые хорошо известны публике и любимы ею. По сути, И. В. Киреевский говорит о несовпадении вкусов критики и публики: то, что критики считают неинтересным, публику привлекает, и наоборот. Следовательно, критика фактически находится на периферии общественной жизни в то время, когда она должна быть связующим звеном между читателем и писателем, руководителем для читателей. Как видим, И. В. Киреевскому близка позиция Пушкина. Он так же полагает, что воспитание подготовленного читателя – магистральный путь к формированию развитого общественного сознания. Главную роль в данном процессе играет критика: «Скажу более: в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом публики, если, впрочем, не препятствуют тому посторонние обстоятельства, ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако же, мы еще не имеем и что, быв результатом, служит вместе и условием народной образованности, а следовательно, и народного благосостояния: я говорю об общем мнении» [Киреевский 1979: 43–44].

Продолжение размышлений в данном направлении представлено в статье В. Г. Белинского «Литературные мечтания» (1834). В ней сформулирован ряд положений, касающихся современного состояния русской литературы. В частности, отмечено общее снижение ее качественного уровня к началу 1830-х годов: «Подломились ходюльки наших литературных атлетов, рухнули соломенные подмостки, на кои, бывало, карабкалась золотая посредственность, а вместе с тем умолк-

ли, заснули, исчезли и те немногие и небольшие дарования, которыми мы так обольщались во время оно» [Белинский 1953: 20–21]. По мнению критика, на смену таким талантам, как А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, А. И. Подолинский, Н. М. Языков, В. И. Туманский пришли Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы. В. Г. Белинский отмечает, что между первыми и вторыми – неизмеримое пространство и задаётся вопросом: «Какие причины такой пустоты в нашей литературе? Или и в самом деле – у нас нет литературы?...» И далее он уверенно заявляет: «Да – у нас нет литературы!» [Белинский 1953: 22. Курсив автора. – М. П., Т. Л.].

Каковы же аргументы критика? Начинает он с того, что до сих пор остается неясным само понятие «литература». Некоторые из современников называют литературой какого-либо народа «весь круг его умственной деятельности, проявившейся в письменности». Для других литература являет собой собрание «образцовых в художественном плане произведений», Однако сам Белинский явно придерживается другого понимания: «Но есть еще третье мнение, не похожее ни на одно из обоих предыдущих, мнение, вследствие которого литературою называется собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и безусловных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений. В истории такой литературы нет и не может быть скачков: напротив, в ней все последовательно, все естественно, нет никаких насильственных или принужденных переломов, происшедших от какого-нибудь чуждого влияния» [Там же: 24]. Сделав обстоятельный обзор пути, пройденного русской литературой с начала XVIII века, Белинский приходит к мысли о том, что условием существования настоящей литературы является интенсивная духовная жизнь общества, признак чего – глубокая потребность в чтении во всех социальных слоях, с одной стороны, и творчество писателей, нацеленное на ее развитие и удовлетворение, с другой стороны.

Мысли, в определенном отношении перекликающиеся с идеями В. Г. Белинского, мы находим в статье О. И. Сенковского «Исторический роман», написанной несколько ранее, в 1833 году.

Статья начинается с краткого обзора различных высказываний по поводу современной русской словесности: «Критика?... Вы ожидаете

от меня критики?... Извините; у нас нет критики! Так утверждают многие из нас, многие из наших собратий. Не далее как в начале января, одни из нас кричали, что в прошлом году не вышло у нас ни одной книги; другие, что у нас не стоит заниматься словесностью, ибо она не представляет труженикам своим никаких существенных выгод; третьи, что у нас нет единства в словесности; четвертые, что у нас нет литературного мира; пятые, что у нас нет критики; шестые, что у нас нет – нет даже литературы!... И так, вот до чего мы дожили!» [Сенковский 1859: 29]. Далее Сенковский делает заявления, очень напоминающие высказывания Белинского: «...на что вам критика, когда у вас нет литературы! Прошу покорнейше: сами изволят утверждать, что у нас нет словесности, а в то же время бранят бедную Русь за неимение литературной критики! К чему нам она нужна? На что очки слепому?» [Сенковский 1859: 34]. Однако он предлагает иное понимание вопроса. Будучи принципиальным противником литературных кружков и партий, критик, тем не менее, признает возможность и даже необходимость объединения всех писательских усилий в общей деятельности самого широкого плана: «Лучший и самый благородный центр соединения для литераторов – публика» [Сенковский 1859: 33]. Главным аргументом в пользу тезиса об отсутствии в России подлинной литературы у Сенковского является утверждение, согласно которому современные авторы ориентированы на читателя развитого, образованного. Большинству умеющих читать их произведения неинтересны. Отсюда задача – создание произведений, доступных пониманию самых простых читателей, не подготовленных к восприятию сложных произведений. В результате такой деятельности к чтению будет привлечена большая часть населения, которая пока не входит в состав читающей публики.

Как видим, по В. Г. Белинскому, народная литература призвана служить духовному росту общества, поднимать и развивать его, вести за собой. По Сенковскому, народная литература должна быть доступна, понятна для любого человека, отвечать его ожиданиям, увлекать, приучать к приятному и культурному времяпрепровождению. В своих критических выступлениях Белинский и Сенковский обозначили разные пути развития современной им русской литературы. Белинский, вслед за Пушкиным и Киреевским, ратовал за создание литературы, которая могла бы занять место общественного духовного лидера, стала бы важнейшей формой национального самосознания. Сенковский сосредоточил свои усилия на удовлетворении интересов читающей публики, угрожая ей, то есть фактически, выдвинул программу создания литературы, которую сегодня принято называть «массовой». Осуществлению этой программы он и посвятил собственное литературное творчество.

В 1830-х годах в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого был Сенковский, были опубликованы три повести («Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка», «Джулио»), подписанные псевдонимом А. Белкин (последняя подписана: А. Белкин – А. Тимофеев). Как известно, свои литературные произведения О. И. Сенковский издавал под псевдонимом «Барон Брамбеус». С какой же целью в данном случае он использует псевдоним, явно отсылающий читателя не только к произведениям Пушкина, но и к личности самого создателя «Повестей покойного И. П. Белкина», на что недвусмысленно указывает первый инициал? В псевдониме «А. Белкин» Сенковский фактически объединяет двух литературных персонажей (покойного Ивана Петровича Белкина – обычного помещика, бесхитростного любителя записывать истории, услышанные от разных людей, и издателя А. П.) с Александром Сергеевичем Пушкиным – биографическим автором белкинских повестей. Таким образом, можно предположить, что Сенковский подчеркнуто отождествляет «писательскую» манеру вымышленного И. П. Белкина и А. С. Пушкина. Мы считаем принципиально важным разобраться в этом.

Для начала остановимся на пушкинском предисловии «От издателя». В нём читателю предложено познакомиться с письмом ненародовского помещика, знавшего покойного Белкина лично. Автор письма – простодушный, наивный, не склонный к высоким материям человек. Он довольно рассеян: пишет, что получил 23-го числа от издателя письмо, отправленное ему 15-го, но в конце письма мы видим, что оно подписано 16-м числом. Сами рассуждения об И. П. Белкине как об авторе повестей и романов идут параллельно с рассказом о ключнице, заклеивающей окна страницами его же романа. Указывает друг И. П. Белкина и на отсутствие воображения последнего: «... названия сел и деревень заимствованы из нашего околodka, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения» [Пушкин 1978: 56–57]. Возникает заметный иронический эффект, благодаря чему образ Белкина снижается, опрощается, как и образ его соседа, через призму восприятия которого даётся характеристика собирателя повестей.

Очевидно, предисловие «От издателя», привлекло особое внимание Сенковского, поскольку оно являло образ «сочинителя», во многом близкий его представлениям об авторе, способном общаться с публикой в силу своей подлинной или искусно разыгранной простодушности. Думается, привлекла Сенковского и внешняя анекдотичность «Повестей»: именно такие легкие, юмористические истории и могли приохотить к чтению и малообразованную барыню, и ее горничную.

Сенковский в данном случае не был исключением из общего правила: кажущаяся простота пушкинских повестей ввела в заблуждение многих авторитетных критиков. Достаточно напомнить, что даже В. Г. Белинский увидел в них только развлекательное содержание: «Вот передо мною лежат “Повести”, изданные Пушкиным: неужели Пушкиным же и написанные? Пушкиным, творцом “Кавказского пленника”, “Бахчисарайского фонтана”, “Цыган”, “Полтавы”, “Онегина” и “Бориса Годунова”? Правда, эти повести занимательны, их нельзя читать без удовольствия; это происходит от прелестного слога, от искусства рассказывать (conter); но они не художественные создания, а просто сказки и побасенки: их с удовольствием и даже с наслаждением прочтет семья, собравшаяся в скучный и длинный вечер у камина; но от них не закипит кровь пылкого юноши, не засверкают очи его огнем восторга...» [Белинский 1953: 139].

В отличие от Белинского, Сенковский увидел в «Повестях Белкина» не «осень творчества» великого русского писателя, а, напротив, успех, признаки расцвета Пушкина как прозаика. В этом, как показало время, он был абсолютно прав. Сошлемся на мнение Н. К. Гей, так охарактеризовавшего главные достижения Пушкина-прозаика: «Многообразие характеров, простота изложения, целенаправленная многозначность текста, открытая в многозначность жизни, пластичность слова и онтологическая всеохватность – постижение в бесконечно малом бесконечно больших содержательных потенций» [Гей 2008: 44].

Однако само понимание художественной позиции Пушкина у Сенковского весьма специфично. Ему кажется, что Пушкин встал на путь создания максимально простой, развлекательной, массовой литературы, тот путь, который был близок самому редактору «Библиотеки для чтения». Сенковский одобряет Пушкина именно за то, за что его порицает Белинский. Поэтому он вполне осознанно стремится максимально сблизить самого Пушкина и его персонажа – И. П. Белкина.

В феврале 1834 года Сенковский пишет Пушкину письмо по поводу вышедших в свет двух глав «Пиковой дамы». Он не только восторженно отзываясь о новой пушкинской повести, но и рассуждает о путях развития отечественной прозы в целом.

В самом начале письма читаем: «Вот как нужно писать повести по-русски! Вот, по крайней мере, язык вполне обработанный, язык, на каком говорят и могут говорить благовоспитанные люди. Никто лучше меня не чувствует, каких основ недостает нам, чтобы создать хорошую литературу, а главнейшая из них, жизненная, без которой нет настоящей национальной литературы, основа, которой совершенно не существует в нашей прозе, – это язык хорошего общества. До сих пор я

встречал в нашей прозе только язык горничных и приказных» [Пушкин 1948: 322]. Как видим, автор письма, в первую очередь, отмечает в прозе Пушкина формирование нового литературного языка, предельно естественного, разговорного, который, однако, не является стилизацией грубого простонародного языка кухарок, «горничных и приказных», но вполне приемлем и даже желателен для использования в кругу людей из высших слоев общества. По мысли Сенковского, надо «разгадать» русский язык, нужно писать на нем, привлекать к нему симпатии читателей, чтобы даже благородные дамы, говорящие только по-французски, приняли его. Создателя такого языка Сенковский видит в Пушкине: «... и слава эта, вижу ясно, уготована вам, вам одному, вашему вкусу и прекрасному таланту» [Там же].

В деле выработки и широкого распространения нового литературного языка первостепенную роль должна играть русская проза, которая пока, к сожалению, остается далекой от живых истоков русской речи, а потому не национальна. Сенковский заявляет: «...повторяю вам, – вы положили начало новой прозе, – можете в этом не сомневаться» [Там же]. Данная мысль неоднократно повторяется на протяжении всего письма. Но за рассуждениями о литературном языке просматриваются и более масштабные вопросы. По сути, редактор «Библиотеки для чтения» прямо говорит о необходимости создания массовой, понятной самому широкому, в том числе и неискушенному читателю, литературе. Новый язык, таким образом, оказывается важнейшим средством объединения разных слоев читающей публики и расширения ее масштабов. Пушкин, по его мнению, начинает развивать именно этот пласт литературы. Сенковский не столько утверждает факт близости своей и пушкинской позиции, сколько недвусмысленно приглашает Пушкина в свой стан, вербует его в свои союзники, выдавая желаемое за действительное.

В свете вышеизложенного повести, опубликованные Сенковским за подписью «А. Белкин» можно воспринимать как попытку вовлечь Пушкина в процесс создания «легкой», развлекательной литературы. Преследуя свою цель, издатель «Библиотеки для чтения» использует элемент мистификации: очевидно, была вероятность того, что в сознании неискушенного читателя И. П. Белкин, издатель А. П., реальный А. С. Пушкин сольются воедино. Читатель подготовленный, конечно, поймет, что к повестям, опубликованным на страницах журнала Сенковского, Пушкин не имеет никакого отношения. Но и в этом случае псевдоним служил легким намеком на то, что Пушкин так или иначе причастен к программе Сенковского, или сочувствует ей.

Для мистифицирования читателя Сенковский воспользовался тек-

стом пушкинского произведения. В упоминавшемся выше письме ненададовского помещика читаем следующее: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлою зимою все окна из флигеля заклеены были первую частью романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом» [Пушкин 1978: 56]. Таким образом, в письме сообщается, что какая-то часть рукописей Ивана Петровича осталась неопубликованной, а часть – разрознена и утрачена. Название одного из произведений – «Потерянная для света повесть» – вкуче с псевдонимом «А. Белкин» содержит в себе легкий намек на то, что так и оставшийся неизвестным товарищам Галактиона Андреича «случай из провиантской части» вполне мог оказаться одной из утраченных рукописей И. П. Белкина.

Н. В. Назарова утверждает: «При более детальном рассмотрении оказывается, что между “Повестями Белкина” А. С. Пушкина и “Потерянной для света повестью” О. И. Сенковского не находится каких-либо сюжетных или стиливых пересечений; кроме того, осталась непроясненной и ее потенциальная пародийная функция» [Назарова 2010]. Как видим, исследовательница видит в произведении Сенковского пародийный потенциал. С. Г. Бочаров высказывается об этом более определенно: «“Потерянная для света повесть” Сенковского, за подписью А. Белкин, пародировала как бы отсутствие содержания в “Повестях Белкина”. Во время дружеского обеда один из участвующих рассказал историю, из которой слушатели сумели запомнить только первые слова: “Вот именно один такой случай был у нас по провиантской части”. Рассказчик по просьбе слушателей повторил свою повесть, но и после этого ее оказалось невозможно удержать в памяти. Так оказалась потеряна для света повесть» [Бочаров 1985: 37–38].

Мы не вполне разделяем данную точку зрения. Сошлемся на Ю. Б. Борева, отмечающего: «Пародирование – комедийное преувеличение в подражании, такое утрированно ироническое воспроизведение характерных индивидуальных особенностей формы того или иного явления, которое вскрывает комизм его содержания» [Борев 1970: 218]. На наш взгляд между «Потерянной для света повестью» и «Повестями Белкина», в частности, «Гробовщиком» есть несомненные пересечения, но совсем не пародийного характера, поскольку Сенковский не ставил перед собой задачу вскрыть внутренние противоречия пушкинского текста и тем самым подвергнуть его критике, что собственно и является целью пародирования [Борев 1970: 218–219]. Напротив, с по-

мощью более или менее явных отсылок к пушкинскому «Гробовщику» Сенковский стремился сблизить оба произведения, включить их в единое литературное поле.

Попытаемся обозначить эти сближения. Во-первых, точно так же, как и в повести Сенковского, в «Гробовщике» собирается компания если не приятелей, (хотя будочник Юрко хорошо был знаком с сапожником Шульцем), то, по крайней мере, соседей; они распивают напитки в честь серебряной свадьбы Готлиба Шульца и его жены Луизы. В повести Сенковского приятели собираются на пикник и там также выпивают, беседуют, спорят.

В обеих повестях нет развернутой экспозиции, события разворачиваются сразу, сходу: «Последние пожитки гробовщика Андрияна Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащила с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом» [Пушкин 1978: 81]. Мы не знаем, что предшествовало данному событию, почему повесть начинается с четвертого перевоза вещей, почему нет описания первых трёх. То же самое видим и у Сенковского: «Наконец, положено было собраться к Якову Петровичу, который жил в Болотной улице – что между Пустой и Безымянной – и оттуда уже всем вместе идти к омнибусам» [Сенковский 1835: 134]. Читателю представлен фрагмент, словно вычлененный из непрерывного потока обыденной жизни.

Трудно не заметить и некоторые детальные переключки. Таковы, например, мотивировки, побуждающие участников вечеринки продолжить возлияние. У Пушкина в качестве такой мотивировки предлагается тост, который собравшимся представляется остроумно-курьезным: «Что же? пей, батюшка за здоровье своих мертвецов» [Пушкин 1978: 84].

В повести Сенковского звучат еще более странные мотивировки:

«– Я, – сказал Илья Никифорыч, – если и выпью, так разве на поросенка: боюсь, чтоб не забурчало в животе.

– А мне непременно должно запить сига, – подхватил Лука Лукич, принимая бутылку.

– Я, – сказал Иван Никитич, – выпью от жару: нынче мне что-то так душно!

– Я тоже выпью стаканчик, – сказал Максим Козмич, – у меня целый день как мороз по коже.

– Так выпить и мне! – молвил Галактион Андреич, – действительно, погода такая странная – не знаешь, что делать!

– И я за вами, – сказал Яков Петрович с свойственным ему достоинством и лаконизмом.

– Что греха таить! – сказал, наконец, историк этой попойки, – признаться вам, я выпью потому, что люблю выпить» [Сенковский 1835: 140].

Сюжеты обоих произведений внешне незатейливы, даже анекдотичны. Однако именно здесь обнаруживается глубинное различие. У Пушкина за внешней простотой фабулы скрывается глубинный, бытийно-философский уровень сюжета, на что справедливо указывает В. И. Тюпа: «Сквозь явную анекдотичность сюжетов “Гробовщика” и “Барышни-крестьянки” отчетливо проступает притчевая символика (актуализируемая эпиграфами этих повестей)» [Тюпа 1999]. Тщательный анализ многослойности пушкинского сюжета представлен в исследовании С. Г. Бочарова [Бочаров 1985: 35-69].

В повести Сенковского рассказан именно анекдот, смешной в силу бессмысленности происходящего. Анекдотичность фабулы доведена до уровня гротеска. Во многом этому способствует повествование, представляющее собой умелую стилизацию речи петербургского чиновника, не отличающегося подлинной образованностью, но претендующего на внешнюю «грамотность». Литературоведами обычно отмечается, что даже главы повести обозначены как «параграфы». Рассказчик приводит расчет долей кулебяки, съеденных каждым участником пирушки, в виде диаграммы. Позиции, занятые приятелями в процессе бурных прений по вопросу о выборе напитка, сводятся в таблицу:

«Пошли на голоса:

В пользу грогу

Лука Лукич

Яков Петрович

Галактион Андреич

Я

Большинство в пользу грогу» [Сенковский 1835: 143].

В пользу пуншу

Илья Никифорович

Максим Козмич

Иван Никитич

Перечисленные приемы снижают и без того невысокий уровень серьезности повествования, превращая чтение из интеллектуального труда в легкое и приятное развлечение.

Чиновник А. Белкин – человек, по своим духовным качествам и умственным способностям малоразвитый, его восприятие жизни максимально обывовлено. В своем рассказе он ограничивается фиксированием предметов, ему близких и понятных: еды и напитков. Сознание А. Белкина сосредоточено на пустяках, которым он придает преувеличенно важное значение. Поэтому его рассуждения выглядят комично: «Некоторые утверждали, что в хороших компаниях грог теперь гораз-

до больше в употреблении, чем пунш, и что эта мода основывается на весьма логическом начале: горячую воду с чаем можно пить отдельно и ром с горячею водою отдельно; таким образом, ни чай, ни ром не уничтожают друг друга и совокупно содействуют успехам просвещения» [Там же].

Однако в финале образ рассказчика словно двоятся: за его простодушными рассуждениями о том, как нынче пишутся повести, и сожалениями о том, что по причине так и не состоявшегося рассказа Галактиона Андреича он не вошел в число «сочинителей» явно слышится полный иронии голос издателя: «...клянусь, я имел твердое намерение напечатать этот любопытный случай по провиантской части: ведь таким образом пишутся почти все повести для нашей Словесности, – повторяя без всяких усилий своего воображения, первый слышанный где-нибудь анекдотик! Будь только рассказ Галактиона Андреича такого свойства, чтоб можно было его упомянуть, – вы бы имели одну «оригинальную» повестью больше, и я был бы один лишний оригинальный сочинитель» [Там же: 180]. В данном пассаже можно увидеть отсылку к образу пушкинского И. П. Белкина, который, как известно, не имел развитого воображения и не добавлял в рассказы «других особ» собственного вымысла (только имена героям придумал, да названия сел и деревень, не долго думая, заимствовал из своего «околодка» [Пушкин 1978: 56–57]). Мы полагаем, что данная отсылка носит полемический характер. О. И. Сенковский, по-видимому, почувствовал что «простота» пушкинского Белкина – лишь ключ к глубинным слоям повествования, выводящим на сложное, многоаспектное художественное постижение жизни в формах самой жизни. В финале своей повести Сенковский открыто разъясняет свою позицию: он как бы поправляет Пушкина, создавая *своего* Белкина – простодушного собеседника столь же простодушного читателя.

Примечательно, что в 1835 году, после выхода в свет «Потерянной для света повести» Пушкин пишет в письме к П. А. Плетнёву: «Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется, из-за угла и тихонько, например в “Московском наблюдателе”) объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо». [Пушкин 1979: 430]. Пушкин вынужден объясниться и с М. П. Погодиным: «Сейчас получил я последнюю книжку “Библиотеки для чтения” и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* – и встретил Ваше имя. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю» [Там же: 413].

Итак, Пушкин, называет повести Сенковского нелепостью. Тем са-

мым он ясно дает понять: Сенковский абсолютно не понял и не принял его замысла, В «Потерянной для света повести» через фабульные переключки, детали и легкие сближения стилевого плана, отсылающие читателя к пушкинскому «Гробовщику», Сенковский предложил иное понимание прозаического повествования, лишил его сложного философского и психологического смысла, максимально упростив образ повествователя – А. Белкина. В данном произведении Сенковский заявил о себе как убежденном стороннике идеи создания массовой, легкой, развлекательной литературы, удовлетворяющей вкусы самой неискушенной публики и причающей ее к чтению как форме приятного и культурного досуга. Свои попытки так или иначе связать имя Пушкина со своей литературной программой Сенковский продолжил, опубликовав в своем журнале еще две повести за подписью «А. Белкин». Однако писательские пути Пушкина и Сенковского радикально разошлись, определив на долгие годы различные векторы развития отечественной беллетристики.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 20–104.

Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы : эстетика и критика. М. : Искусство, 1991. С. 116–127.

Борев Ю. Б. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М. : Искусство, 1970. 272 с.

Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М. : Сов. Россия, 1985. С. 35–69.

Гей Н. К. Пушкин-прозаик. Жизнь-творчество-произведение. М. : Наука, 2008. 486 с.

Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979. С. 43–55.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 15. Переписка, 1832–1834. С. 311–334.

Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1978. Т. 6. Художественная проза. С. 54–115.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука. 1979. Т. 10. Письма. С. 114–116.

Назарова Н. В. Литературная позиция О. И. Сенковского в 1830-х гг. На материале повестей, подписанных псевдонимом А. Белкин : автореф. ... дис... канд. филол. наук. М. , 2010. 26 с.

Сенковский О. И. Собрание сочинений : в 9 т. Спб. : В тип. В. Безобразова и Ко, 1859. Т. 8. 630 с.

Сенковский О. И. Потерянная для света повесть. А Белкина // Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. С. 134–183.

Тюпа В. И. Двухязычие в «Повестях Белкина» : анекдот и притча. Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 4. URL: <http://www.durov.com/literature2/tyupa-99.htm> (дата обращения: 30.09.2016).

REFERENCES

Belinskiy V. G. Literaturnye mechtaniya // Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch. : v 13 tomakh.. М. : Izd-vo AN SSSR, 1953. Т. 1. S. 20–104.

Bestuzhev A. A. Vzgl'yad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov // Dekabristy : estetika i kritika. М. : Iskusstvo, 1991. S. 116–127.

Borev Yu. B. Komicheskoe, ili O tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya. М. : Iskusstvo, 1970. 272 s.

Bocharov S. G. O smysle «Grobovshchika»// Bocharov S. G. O khudozhestvennykh mirakh. М. : Sov. Rossiya, 1985. S. 35–69.

Gey N. K. Pushkin-prozaik. Zhizn'-tvorchestvo-proizvedenie. М. : Nauka, 2008. 486 s.

Kireevskiy I. V. Nechto o kharaktere poezii Pushkina // Kireevskiy I. V. Kritika i estetika. М. : Iskusstvo, 1979. S. 43–55.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 16 t. М. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1948. Т. 15. Perepiska, 1832–1834. S. 311–334.

Pushkin A. S. Povesti pokoynogo Ivana Petrovicha Belkina // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. L. : Nauka, 1978. Т. 6. Khudozhestvennaya proza. S. 54–115.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 10 t. L. : Nauka. 1979. Т. 10. Pis'ma. S. 114–116.

Nazarova N. V. Literaturnaya pozitsiya O. I. Senkovskogo v 1830-kh gg. Na materiale povestey, podpisannykh psevdonomom A. Belkin : avtoref. ... dis... канд. филол. наук. М. , 2010. 26 s.

Senkovskiy O. I. Sbranie sochineniy : v 9 t. Spb., 1859. Т. 8. 630 s.

Senkovskiy O. I. Poteryannaya dlya sveta povest'. A Belkina // Biblioteka dlya chteniya. 1835. Т. 10. S. 134–183.

Туупа V. I. Dvuyazychie v «Povestyakh Belkina» : anekdot i pritcha. Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 1999. № 4. URL: <http://www.durov.com/literature2/tyupa-99.htm> (data obrashcheniya: 30.09.2016)